

Мининков Н.А.
ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Для традиционных курсов источниковедения отечественной истории долгое время было характерно определенное противоречие. Так, в полной мере признавалась роль произведений литературы как источника для русского средневековья и для начала нового времени в России, относящегося к XVII в. Это было не случайно. Такие произведения давали многое для понимания особенностей эпохи и человека, того, как реалии исторической жизни воспринимались и переосмысливались в сознании социокультурных слоев и отдельных их представителей, выступавших в качестве авторов. Однако более поздний период, начиная с XVIII в., в развитии отечественной литературы оставался вне поля зрения и анализа в рамках этих курсов. Между тем, это были периоды, когда существовали такие крупные явления в русской литературе, как классическая литература XIX в. и советская литература. Литературные произведения этого времени по своей значимости как исторический источник, как выражение особенностей жизни и духовной культуры своего времени, своеобразного авторского восприятия событий и явлений имеют ничуть не меньшее значение, чем произведения литературы средневековья и XVII в.

За последнее время на это было совершенно справедливо обращено внимание в новом учебном пособии по источниковедению, изданном историками ВШЭ в 2015 г., и в разделе, написанном Д.А. Добровольским, содержится интересный анализ художественной литературы советского времени как источника [3, с. 440-450]. Достоинство авторского анализа прежде всего в том, что в нем представлено место литературных произведений в контексте культуры советского общества, показана сила художественного восприятия событий, явлений и процессов, а также сила интеллектуального и художественного начала, которое пробивало себе дорогу сквозь идеологические преграды и играло большую роль в формировании разных настроений в обществе, в том числе инакомыслия.

Тема литературных произведений советского времени, конечно же, очень велика и в рамках доклада можно показать только отдельные ее стороны, которые представляются интересными и которые связаны с творчеством как хорошо известных авторов, так и известных значительно меньше. Между тем, для современной методологии научного исторического познания, направленной на выявление вторых планов в текстах и содержащихся в них скрытых смыслов и знаковых систем, литературные тексты дают нередко значительно более широкие возможности, чем документы. Кроме того, сама писательская технология подачи через образы и сюжеты вторых планов и знаков для общества может говорить о положении литературы и культуры в целом в отдельные исторические периоды, в том числе в советское время.

Такие скрытые смыслы могли появляться в том числе и в литературе, которая с полным на то основанием считается детской. Биограф А.Н. Толстого А. Варламов, говоря о скрытых смыслах в образах «Приключений Буратино», указывал на такой яркий, как «страна дураков». Он предоставил читателю право самому догадаться, что могло скрываться под этим образом [2, с. 456]. Догадываться, однако, читателю, хорошо знающему особенности массового сознания советского и современного периода, особенно и не приходится. Известно, что в нем этот образ получил самое широкое распространение. Но в определенных случаях образ, созданный в более раннее время и являющийся совершенно детским и не нагруженным социально-политическими скрытыми смыслами, приобрести очень сильное политическое звучание. Так произошло с образом Тараканища К. Чуковского. Созданный в 1923 г., когда о будущей диктатуре могли догадываться только самые проникательные аналитики, он в тридцатых годах становится в один ряд с самыми сильными образами диктаторов в мировой культуре, – с усам, да и без усов. Он может быть поставлен в один ряд с кинематографическим образом фюрера, созданным Ч. Чаплиным.

В позднем творчестве советского историка, писателя и журналиста, революционера-большевика Н.Л. Янчевского такие скрытые смыслы проявляются и становятся понятными для внимательного современника. Активный участник революции и гражданской войны, он к концу двадцатых годов все более разочаровывался в советских реалиях и своим политическим чув-

ством революционера ощущал наступление диктатуры. Это сказалось на литературной переоценке им некоторых ценностей, которые проявились в образах и сюжета второго плана. Так, в рассказе «Карча», помещенном в ростовском литературном журнале «На подъеме» в 1927 г., он поведал об одном из трагических эпизодов гражданской войны, разыгравшихся у подножия Эльбруса. Сюжет рассказа очень прост. Группа белых казаков-шкуровцев отобрала у пастуха-карачаевца Мусы барана и избивала его. Ночью Муса, вспомнив о герое нартского эпоса Сасрыко (Сосруко), который победил врага не силой, но хитростью, прокрался к спавшим казакам, зарезал одного из них, но был убит другими казаками. Янчевский сочувствовал Мусе, но, хорошо зная реалии гражданской войны, он не мог завершить рассказ с помощью такого литературного приема, как «happy end». Завершается рассказ строками: «И Джин-падишах [так карачаевцы называли Эльбрус- Н.М.] – царь духов, как тысячи лет назад, сверкал своей ослепительной белизной» [5, с. 9]. По существу, в концовке заключался и скрытый смысл рассказа, и глубокая философская мысль. Нет силы, утверждал тем самым Янчевский, которая была бы сильнее природы, в том числе и преходящие страсти недавней гражданской войны. Очевидно, что такая мысль для большевика и участника этой войны могла появиться только на почве разочарования ее результатами. Еще более отчетливо скрытый смысл выступал в рассказе «За волей», опубликованном в 1933 г. Сюжет рассказа на первый взгляд чисто исторический. Крепостной Игнашка в конце XVIII в. бежит из рязанского поместья на Дон, где, по слухам, все еще есть свобода. Когда он, преодолевая все опасности, дошел до земли донских казаков, он увидел, что слухи были ложными. После скитаний по станицам с такими же беглыми, которые ограбили его во сне, он явился на хутор к одному из новоявленных донских помещиков, есаулу Ежову, и подписал обязательство служить у него конюхом под угрозой выдачи властям. На дворе есаула он увидел медведя на цепи. Точно такого же, как в рязанском поместье. Он вспомнил, что прежний помещик сцепил его цепью с медведем за то, что он не успел вовремя покормить коня. «Поменял кукушку на ястреба», – были последние слова Игнашки в рассказе [4, с. 29]. Из рассказа читатель понимал, что Игнашка, стремясь уйти от крепостного права, вновь оказался в положении зависимого человека, на этот раз от донского есаула, которое вело его в крепостное состояние, распространявшееся в то время на Дону. У него возникали ассоциации с современностью, тем более что коллективизация в массовом сознании широких слоев населения нередко воспринималась как второе крепостное право. И если крестьянство России боролось в революции за землю и волю, то в конце концов оно, как Игнашка из рассказа Янчевского, не получило ни земли, ни воли, но получило новое крепостничество. Ничего удивительного нет в том, что автор рассказа, Н.Л. Янчевский, был расстрелян в 1937 г.

Культурная ситуация в стране начала шестидесятых годов XX века, когда формировалось шестидесятничество, идейное течение части советской интеллигенции, стремившейся покончить с наследием сталинского культа, но верившей в ленинизм и социализм, нашла выражение в комедии Д. Аля и Л.Л. Ракова «Опаснее врага». Комедия, которую ставил ленинградский Театр комедии во главе с режиссером Н.П. Акимовым, пользовалась огромным успехом. Оба автора были участниками Великой Отечественной войны и узниками ГУЛага, а Д.Н. Альшиц был известным историком эпохи Ивана Грозного. В комедии начальство созданного фантазией авторов НИИ кефира подумало, что начинается новая кампания – борьбы в советских учреждениях с дураками. Ситуация была правдоподобной. Население в СССР привыкло к кампанейщине и знало, что кампании сопровождаются проработками, снятием с работы, в ходе кампаний было немало пострадавших и репрессированных. Комический эффект достигался образами героев и таким распространенным в литературе приемом, как говорящие фамилии. Явные ретрограды – директор и его зам, Допетровский и Хеопсенко. На уровень Федора Ивановича Шпинатова указывает сама фамилия и должность завотделом заместителей пробки. В этой компании пара диссертантов – Чаркин и Чуркин. Также этот эффект достигается пародированием бюрократического языка. Так, в НИИ имеется «бюро проектирования этикетирования». Директор по-своему переделал поговорку: «Каков поп – таков должен быть и его аппарат». Малограмотный начальник отдела кадров говорит в докладе: «Наш институт из квартала в квартал идет с перевыполнением всех показателей по всем показателям плана» [1, с. 352-353], делая в слове «квартал» ударение на первом слоге. Но это речь человека не только малограмотного, но и привыкшего

чувствовать себя начальником и решать судьбы людей. Говорящей является и фамилия этого героя – Мальков. Читатель и зритель вспоминает коменданта Кремля Малькова, расстрелявшего Фанни Каплан по обвинению в покушении на Ленина. Как и комендант, заведомо кадров из комедии был из органов. И когда в кабинете директора по радио читали строки из «Конька-горбунка» П.П. Ершова: «Вот в конюшню прибегают, Двери настежь отворяют И ногами дурака Ну толкать во все бока», Мальков произнес, с авторской пометкой «многозначительно»: «Ногами!» [1, с. 312] Это было прямым обращением к исторической памяти интеллигенции. Для читателя и зрителя образ кадровика Малькова становился предельно ясен. Некоторые из них лично видели таких кадровиков в иных эпизодах, при допросах с пытками в сталинских застенках, другие слышали об участии их в таких акциях.

Скрытое обращение к историкам, к их настроениям и опыту прослеживается в словах диссертантов Чаркина и Чуркина. «Я, например, решил сесть за тему “Борьба за...”», – заявил Чаркин. «А я – “Борьба против...”» [1, с. 299], – ответил Чуркин. Для историков это был прозрачный намек. Было известно, что так формулировались многие темы по истории КПСС. Едва ли в этом была скрытая критика самой партии, для шестидесятников она не характерна. В происходивших в период оттепели переменах они видели знак силы партии, ее способности преодолеть наследие репрессивного режима. Упоминание же «Борьбы за» и «Борьбы против» служило, скорее всего, отражением в профессиональной среде историков раздражения псевдонаучной халтурой в форме подобных тем. Такая халтура нередко выдавалась за актуальный и полезный научный поиск, востребованный в идеологической борьбе или обобщавший опыт партии. Но для историка-профессионала было ясно, что подобная тематика представляет историю в ложном свете перед обществом, в виде не науки, но наукообразной формы идеологического обслуживания власти, и неизбежно ведет к дискредитации образа истории как науки в массовом сознании.

Исторический оптимизм шестидесятников выражен в использовании ими концовки по модели гоголевского ревизора, когда вызов городничего к чиновнику из Петербурга содержал намек на позитивное завершение комедии. Таким же образом завершили комедию Д. Аль и Л. Раков, когда телеграмма от начальника и близкого знакомого директора Допетровского со словами: «Начальство считает, что ты дуб» [1, с. 356] предполагало падение директора и оптимистическую развязку комедии.

Литературные произведения относятся к наиболее интересным источникам по истории культуры советского общества. Это предполагает необходимость междисциплинарного поиска историков и литературоведов для понимания характера и особенностей исторического времени и смыслов в произведениях литературы.

1. Аль, Д. Опаснее врага : комедия в трех действиях / Д. Аль, Л. Раков // Аль, Д. Диалог : пьесы / Д. Аль. – Л. : Советский писатель, 1987. – 405 [2] с.
2. Варламов, А. А. Толстой / А. А. Варламов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 591, [1] с.
3. Источниковедение : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцев. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
4. Янчевский, Н. За волей / Н. Янчевский // На подъеме. – 1933. – № 1. – С. 21–29.
5. Янчевский, Н. Карча / Н. Янчевский // На подъеме. – 1927. – № 6. – С. 3–9.

Бароўка В.Ю.

АПОВЕСЦЬ “ДЗВЕ ДУШЫ” М. ГАРЭЦКАГА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

Аповесць М. Гарэцкага “Дзве душы” (1918–1919) – канцэптуальнае мастацкае асэнсаванне грамадскай сітуацыі на Беларусі перыяду Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі, Грамадзянскай вайны, нацыянальнага характару беларусаў, становішча і ролі прыхільнікаў старых і новых парадкаў. “Дзве душы” – твор з публіцыстычным акцэнтам і палемічным стаўленнем да трактоўкі падзей 1917–1918 гадоў. Аповесць стваралася непасрэдна па слядах падзей іх сведкам і ўдзельнікам, таму з поўным правам можа ўспрымацца як гістарыяграфічная крыніца. Вядомы даследчык літаратуры Георг Лукач слухна заўважыў: “Чым больш глыбокае і дакладнае гістарычнае пазнанне пісьменніка, тым больш свабодны яго рух у матэрыяле” [1, с. 145]. Абазнанасць у матэрыяле дазволіла М. Гарэцкаму ўвасобіць складаную грамадска-палітычную сітуацыю, стаўленне розных